

О функционировании правил семантической интерпретации конструкций с адвербиальным предикативом *нельзя*

В.М.Труб

Институт украинского языка НАН Украины

volodya@gilan.uar.net

Предварительные замечания

В работах [1- 3] было показано, что неоднозначность конструкций с адвербиальным предикативом *нельзя*, которая обычно маркируется видовым противопоставлением предиката Р в конструкциях *нельзя Р*, связана с реализацией разных значений компонента 'можно', который содержится в семантической структуре *нельзя*- ср. [1-3]. Здесь следует сразу оговориться, что мы ни в коей мере не претендуем на то, чтобы поставить под сомнение элементарный статус данного компонента как семантического примитива. В то же время является очевидным, что существуют по крайней мере разные типы употреблений данного компонента, соотносящиеся с существенно различными глубинными структурами. Один из примеров подобного разграничения представляют собой конструкции с *нельзя*, в которых видовое противопоставление подчиненной предикации обычно маркирует разные варианты значения 'можно'. Структура *нельзя Р* сов. - ср. *Нельзя открутить кран* = 'не можно¹ открутить кран' содержит элемент 'можно¹', указывающий на возможность, осуществимость соответствующего действия. В структуре же *нельзя Р* несов. - ср. *Нельзя откручивать кран* = 'не можно² откручивать кран' содержится элемент 'можно²', который указывает на правомерность, целесообразность выполнения действия. Таким образом, видовое противопоставление в общем случае служит сигналом реализации то одного, то другого значения можно.

В связи с этим противопоставлением значений имплицитного модального компонента целесообразно рассмотреть хотя бы некоторые типы его коррелятов, манифестируемых, например, формами *возможно, можно, может* - ср. [4]. Очевидно, что различные детализации значений компонента 'можно' зависят от степени экспликации факторов, которые служат обоснованием мнения говорящего о возможности чего-либо.

В конструкциях *нельзя Р* сама идея о Р, о его целесообразности или желательности, предполагается так или иначе актуализованной. Как правило, она уже актуализована в предшествующем тексте, хотя может возникать и в рамках самой конструкции, например, в контексте перечисления то ли запрещенных акций, то ли тех, которые по каким-либо причинам невозможно осуществить. В любом случае коммуникативным фокусом (т.е. единственной или самой последней ремой) конструкций *нельзя Р* всегда будет указание то ли на невозможность Р (для *нельзя Р сов.*), то ли на его (Р) запрет или недопустимость (для *нельзя Р несов.*).

Конструкции же *можно Р* в коммуникативном плане менее однозначны.

Примеры разных типов употреблений 'можно'

1. Если в качестве Р используются предикаты мыслительной деятельности, то вся конструкция служит средством интродуцирования гипотезы говорящего о той или иной ситуации Q, образующей содержание пропозиционального актанта Р: (1) *Можно думать, что различных семантических типов производности не так много*. В подобных случаях реализуется такая разновидность «правового» значения *можно*, которая указывает на правомерность получения данного ментального результата. При этом как бы само собой подразумевается, что соответствующий мыслительный акт вполне правомерен, согласуется с правилами логического рассуждения, а в коммуникативный фокус попадает содержание пропозиционального актанта *думать* - вероятностный ментальный результат данного мыслительного акта.: 'различных семантических типов производности не так много'.

Следует подчеркнуть близость конструкций *Можно (правомерно: естественно...) думать (полагать, считать...), что Р* к оборотам *Очевидно (вероятно, похоже, не исключено...), что Р*, в которых связь с процессом мышления выражена менее эксплицитно. Кроме того данные обороты скорее фиксируют уже готовое вероятностное мнение говорящего, тогда как конструкции первого типа выполняют функцию как бы «репортажа» о мыслительной деятельности, проходящей по необходимым общепринятым правилам, и фиксируют соответствующий ментальный результат непосредственно в процессе его получения.

С другой стороны, в коммуникативный фокус высказывания может попадать и само «правовое» 'можно'. Ср., например, компьютерное сообщение (2) *Теперь питание компьютера можно отключить* = 'Теперь отключить питание компьютера можно', которое выполняет перформативную функцию *разрешения* - ведь идея отключения компьютера была актуализована ранее в ходе интерактивного диалога с пользователем.

Аналогично личная форма глагола *может* в сочетании с препозитивным отрицанием может использоваться как синоним *нельзя*, акцентирующего неправомочность того или иного ментального акта. Ср. (3) *Это объяснение не может быть признано (сочтено) удовлетворительным* = *Это объяснение нельзя признать (считать) удовлетворительным*, где *может* соотносится с соответствием (а не может - с несоответствием) обсуждаемого ментального акта общепринятым правилам логического рассуждения. Использование же утвердительной формы *может* соотносится с уже

рассмотренной коммуникативной структурой, где в коммуникативный фокус попадает содержание пропозиционального актанта: (4) *Это объяснение может быть признано удовлетворительным.* = 'Правомерно признать, что это объяснение является удовлетворительным'.

2. В других употреблениях форма *может* соотносится уже с вероятностным характером результата ментальной деятельности говорящего. Так, эта форма может указывать на вероятное значение параметра, свойственного тому или иному объекту:

(5) *Мешок может весить 50 кг;*

(6) *Пальто может стоить 500 руб.*

Структуры вида (5-6) допускают ряд трансформаций:

(5-6) *е* *Возможно, что мешок весит 50 кг (пальто стоит 500 руб.)*

В данных примерах подразумевается, что соответствующие числовые значения являются неоднозначными - они не исключают того, что вес мешка измеряется не только величиной 50 кг (или близкой к ней), но и значительно большей или меньшей. Аналогично стоимость пальто может оцениваться суммой не только в окрестности 500 руб., но и значительно дороже (или дешевле). Однако вероятность подобной (противоположной) альтернативы представляется говорящему существенно меньшей, в связи с чем актуализуется (попадает в коммуникативный фокус) первая, более вероятная альтернатива.

Подобные примеры могут быть также перифразированы и с помощью пропозициональных глаголов, содержание пропозициональных актантов которых соотносится с соответствующим ментальным результатом. При этом субъектная валентность не допускает варьирования грамматического лица, поскольку субъектом дедукции, естественно, является только говорящий:

(5-6) *е* *Я думаю (полагаю, считаю...), что мешок весит (около) 50 кг (пальто стоит (около) 500 руб.).*

Показательно, что на эту роль могут претендовать только предикаты, допускающие неоднозначность соответствующего мнения (т.е. не исключающие противоположную, пусть и маловероятную, альтернативу). Ср. в связи с этим (), которое ни в коей мере не служит перифразой (-), поскольку значение соответствующего параметра приобретает в () четкую однозначность:

(7) *Я уверен (убежден, не сомневаюсь), что мешок весит 50 кг (пальто стоит 500 руб.).*

Важно, однако, подчеркнуть, что в примерах типа (1,3,4) модальный компонент выполняет функцию, принципиально отличную от его роли во фразах (5-6). Как мы видели, в (5-6) он указывает на вероятностный характер дедукции говорящего. А в (1,3,4) в его сферу действия попадает сам ментальный предикат, что указывает на правомочность (или неправомочность) соответствующего хода мысли. Примечательно, что в последнем случае в сфере действия *можно* вполне может оказаться и пропозициональный предикат, «требующий» однозначного ментального результата:

(8) *Можно быть уверенным (сделать однозначный вывод, не сомневаться...), что мешок весит 50 кг (пальто стоит 500 руб.)*

3. Иногда модальный элемент фигурирует в предложениях, в которых указывается точное значение максимальной величины некоторого параметра, причем данное значение

сообщается на основании не дедукции, а знания говорящего:

(9) *Бутылка может вместить 2 литра = В бутылку может войти 2 литра.*

В подобных случаях модальный компонент может быть безболезненно элиминирован:

(9) *Бутылка вмещает 2 литра = В бутылку входит 2 литра.*

Модальный элемент *может* часто маркирует ситуацию многократности. Это происходит тогда, когда в его сфере действия оказывается инфинитивная форма НСВ, один из актантов которой выступает в функции темы сообщения. Такого рода утверждения основываются на знании говорящего о реализации определенного количества однотипных событий того же плана, что и сообщаемое. При этом при трансформировании исходного предложения в предложение без модального элемента обычно используются «бытийно-зачинные» формы *бывает, случается* и / или наречные формы *иногда, часто* и др.:

(10) *Иногда морфемные швы могут исчезать* $\Rightarrow$ *Иногда бывает, что морфемные швы исчезают; Ритуалу могут быть присущи черты, нехарактерные для обыденного дискурса* $\Rightarrow$ *(Иногда) ритуалу бывают присущи черты, нехарактерные для обыденного дискурса; Эта базовая конструкция может иметь варианты* $\Rightarrow$ *Иногда эта базовая конструкция имеет варианты = У этой базовой конструкции бывают (существуют) варианты.*

Ср. в связи с этим работу [5], где рассматриваются другие контексты, в которых распространено подобное явление.

4. Рассмотрим некоторые другие типы употреблений значения 'можно, возможно', которые входят в ассертивную часть сообщения. В большинстве случаев «потенционный» подвид модальности возможности может быть представлен как предикат с глубинной имплицативной структурой, имеющий до трех валентностей, которым соответствуют переменные:

P - потенциальная ситуация;

Q - фактор, указывающий на необходимое условие реализации или существования P;

Q' - дополнительное условие, которое совместно с Q образует совокупность факторов, достаточную для реализации P.

В общем случае значение данного предиката описывается глубинной структурой вида: 'Имеет место такой фактор Q, что если произойдет некоторое Q', то P = Если с имеющим место фактором Q «суммировать» Q', то будет каузировано P'. Степень конкретизации факторов в разных высказываниях может быть произвольной. Типы высказываний естественно классифицируются в зависимости от того, конкретизация какой переменной глубинной структуры попадает в коммуникативный фокус предложения.

1. В коммуникативном фокусе - P.

Фактор Q может часто соотноситься с внутренними имманентными свойствами объекта - потенциального участника P:

(11) *Сюда может попасть инфекция* = 'Данный объект X обладает таким свойством Q, что если X окажется на пути движения микробов, то внутрь X-а попадет инфекция'.

Если же ситуация Р является целенаправленным действием, то фактор Q обычно соответствует внутреннему свойству потенциального субъекта, действия, а Q' - решению субъекта осуществить Р [4,5]:

(12) *Он может поднять штангу весом в 100 кг* = 'Он обладает таким свойством (силовым потенциалом) (Q), что если он решит приложить его к штанге весом в 100кг (Q'), то штанга будет поднята'.

(13) *Установление спутниковой антенны делает возможным уверенный прием около 100 телеканалов* = 'Если с имеющим место фактором Q «суммировать» установление спутниковой антенны (Q'), то тем самым будет обеспечен уверенный прием около 100 телеканалов (P)'.

Разнообразные обороты со словом *возможность* (ср. *иметь возможность, есть возможность, появилась возможность* и т.д.) создают контекст ограниченной контролируемости в достижении целевой ситуации Р, именуемой обязательной валентностью данного слова - ср. [4]. При этом высказывание опирается на презумпцию о том, что с «общечеловеческой» точки зрения является очевидной желательность Р для субъекта или, по крайней мере то, что Р не может быть для него нежелательным:

(14) *Он имеет возможность слушать трансляцию концерта; Есть возможность попасть на экскурсию в Лувр* = 'Имеет место такой не зависящий от субъекта (внешний) фактор Q, что если субъект решит «суммировать» с ним зависящий от него (посильный) фактор Q', то он будет слушать трансляцию концерта (попадет на экскурсию в Лувр).

Как видим, в (14) путь к достижению Р имеет компонентный характер: здесь следует совместить ресурс, зависящий от субъекта, с фактором, имеющим место независимо от его воли. Эта особенность существенно отличает (14) от (12), где для достижения Р вполне достаточно того, что субъект пускает в ход только собственный ресурс. Важно также подчеркнуть, что если валентность Р заполняется наименованием ситуации, которая рассогласуется с презумпцией желательности Р, то высказывание становится аномальным или приобретает юмористический оттенок - ср. **Здесь есть возможность упасть (сломать шею)* (в отличие от вполне приемлемого *Здесь можно упасть (сломать шею)*).

Еще один подвид данного типа (в коммуникативном фокусе - Р) образуют высказывания с глубинной структурой 'Если Q, то возможно, что Р' (т.е. допускающие не однозначную, а вероятностную связь между посылкой и следствием - ср. [6]). Такая интерпретация характерна для случаев, когда потенциальная ситуация Р соотносится со стихийными, неконтролируемыми событиями, или же если исход, к которому ведет фактор Q, не может быть определен заранее:

(15) *За нарушение правил читатели могут быть лишены права пользования библиотекой* = 'Если читатели будут нарушать правила, то это может привести к тому, что их лишат права пользования библиотекой'

(16) *Проведение референдума может привести к роспуску парламента* = 'Если провести референдум, то это может привести к роспуску парламента'. (Ср. в связи с этим неоднозначное предложение (16а) *Референдум может привести к роспуску парламента*, которое, в отличие от (6) имеет еще одно значение 'Возможно, что (проводящийся) референдум приведет к роспуску парламента'.

(17) *Здесь можно упасть* = 'Свойства этого места таковы, что если кто-нибудь в этом месте будет передвигаться, то высоковероятно, что он упадет'. Заметим, что подобных примерах фактор Q' зависит от природы Р. В данном случае Q' определяется презумптивной частью толкования *падать*. Действительно, падение обычно соответствует такому

моментальному изменению в пространственной локализации субъекта, которому предшествует его автономное перемещение в вертикальном положении.

(18) *Зубы можно испортить газировкой* = 'Если злоупотреблять газировкой, то это может привести к порче зубов'.

В подобных случаях вероятностный характер связи между посылкой и следствием обусловлен тем, что:

а) то ли неизвестно, является ли Q достаточным для P - ср. (5)-(6);

б) то ли неизвестно, какой дополнительный фактор Q' должен иметь место, чтобы вместе с Q образовать совокупность факторов, достаточную для P - ср. (7)-(8).

II В коммуникативном фокусе - Q:

(19) *Мост может выдержать нагрузку в 100 т* = 'Мост выдерживает (т.е. нормально функционирует) (P), если нагрузка (на мост) не превышает 100 т (т.е. составляет 100 т или меньше) (Q)';

(20) *Без ВЧК и других репрессивных карательных органов советская власть существовать не может* (Ленин) = 'Советская власть не будет существовать (P), если не будет ВЧК и других репрессивных карательных органов (Q)'.

В данных примерах в коммуникативный фокус попадает Q, являющееся необходимым условием P (нормального функционирования моста, существования советской власти).

III В коммуникативном фокусе - Q':

В подобных случаях модальный элемент *можно* используется для подтверждения достижимости целевой ситуации P или для указания конкретного способа ее достижения:

(21) *Можно ли отсюда добраться до Черкесска? - Можно* = 'То, что существует (возможно) такое Q', что если x предпримет Q', то x доберется отсюда до Черкесска, верно'.

(22) *Деньги можно переправить через швейцарский банк* = 'Деньги будут переправлены (P), если воспользоваться швейцарским банком (Q)'.

(23) *Это можно осуществить с помощью антикриминальной экономики* = 'Это будет осуществлено (P), если применить антикриминальную экономику (Q)'

Ср. еще один пример, в котором поверхностная структура максимально приближена к глубинной:

(24) *Вывод стронция из организма можно ускорить, если применять сильные сорбенты*.

Заметим, что во всех рассмотренных примерах указание на возможность, которое присутствует в исходных предложениях, в глубинных перифразах становится более имплицитным. Теперь оно переходит в презумпцию имплицативной части перифразы. Действительно, презумпцией любой конструкции вида *Если Q,, то P* является структура вида *Возможно, что Q*, где *возможно* указывает на объективную возможность [Шатуновский].

Так, например, в (12) предполагается возможным, что субъект захочет приложить свой силовой потенциал к стокилограммовой штанге, (19) исходит из прагматической презумпции о том, что возможны разнообразные нагрузки, воздействующие на мост, в (22) - о том, что можно прибегнуть к услугам швейцарского банка и т. д. Тем самым возможность определенного действия или события (которая, по мнению говорящего, не очевидна для слушающего) истолковывается через указание на ситуацию, возможность которой является общепонятной и не вызывает сомнений. Поэтому, например, компонент 'может' во фразе *Он может поднять штангу весом в 100 кг* получает истолкование, а компонент 'может' во фразе *Он может захотеть поднять штангу весом в 100 кг* является семантически неразложимым и соответствует вероятностной объективной возможности [4]: *Возможно, что он захочет поднять штангу весом в 100 кг*. Таким образом, некоторые типы «потенционной» возможности в свою очередь описываются через возможность другого, более очевидного события. Подобная «цикличность», очевидно, как раз и свидетельствует об элементарности, неразложимости данного фундаментального понятия. Однако этот факт не должен препятствовать разграничению разных типов глубинных структур, с которыми соотносятся высказывания, содержащие данный модальный компонент.

В случаях же, когда потенциальная ситуация Р не является гарантированным результатом фактора (или факторов) Q (ср. примеры (15)-(18)), поверхностные элементы *можно*, *может* соотносятся уже не с презумпцией имплицитивной посылки, а с вероятностным соотношением 'возможно' между посылкой и следствием.

5. В рассмотренных примерах речь шла о возможности таких действий Р, которые характеризуются либо ограниченной контролируемостью (ср. *поднять штангу весом в 100 кг*), либо являются неконтролируемыми (*упасть*, *выдержать нагрузку в 100 тонн*), либо, наконец, приобретают свойство ограниченной контролируемости благодаря контексту: *Есть возможность поехать на экскурсию (посетить Лувр)*.

Если же Р соотносится с контролируемым действием или по крайней мере с нейтральным относительно признака контролируемости, то предложение допускает неоднозначную интерпретацию. Ср пример из [4,204]: (25) *Он может приехать сюда*, который может быть понят и как 'Он в состоянии (способен) приехать сюда', и как 'Он имеет право приехать сюда'. Данный пример показывает, что иногда модальный компонент (здесь - *может*) приобретает «общее» значение, инвариантное относительно дихотомии «потенционного» и «правового» значений. Следует подчеркнуть, что во втором случае глубинная интерпретация (т.е. интерпретация «правовой» возможности) существенно отличается от толкования возможности «потенционной». Как было уже давно показано Анной Вежбицкой (ср., например, [7]), оно, в частности, требует введения представления о социуме или прочих инстанциях, которые регламентируют социальное поведение личности:

(25) *Он может приехать сюда* 2 = 'Общество (все инстанции, которым он социально подчинен) не будет возражать, если он приедет сюда'.

Ср. также толкование А. Вежбицкой [8]: (26) *Я располагаю вещью* = 'Общество хочет, чтобы я сделал с вещью все, что захочу', которое вполне может быть перифразировано и как 'Общество не возражает (не считает, что ему станет хуже), если я сделаю с вещью все, что захочу'.

Как было показано, в глубинном представлении «потенционной» возможности событие или действие Р оказывается в имплицитивном следствии ('...то сюда попадут микробы', '...то мост выдержит', '...то штанга будет поднята', '...то деньги будут переведены'...). А в глубинной структуре «правовой» возможности обсуждаемая ситуация, наоборот, соотносится с имплицитивной посылкой, а следствие - с тем, как будет реагировать на эту

Об ограничениях на правила интерпретации конструкций с *нельзя*

Для нас существенно то, что с «точки зрения» конструкций *нельзя P* разнообразные виды возможностей структурируются на два основных типа:

- 1) возможность осуществления *P* (целенаправленного или стихийного) - для *нельзя P сов.*
- 2) правомерность или целесообразность, допустимость *P* (для *нельзя P несов.*).

В общем случае конструкция *нельзя P сов.* интерпретируется как 'То, что осуществление *P* (целенаправленное или стихийное) возможно, неверно' или в более строгой формулировке:

'Презумпция: *P* не имеет места. Ассерция: " (Q) " (M) Если КАУЗИРУЕТ (Q, M), то БЫТЬ НЕТОЖДЕСТВЕННЫМ (M, P) (т.е. «к какому бы результату M ни привело любое Q, M не тождественно P (M ≠ P)»)'.

Конструкция же *нельзя P несов.* выполняет функцию то ли запрета *P*, то ли побуждения отказаться от намерения осуществить *P*, побуждения, мотивируемого указанием на неправомочность или недопустимость *P* для адресата побуждения.

Перечислим условия, которые должны выполняться для образования нормативных значений рассматриваемых структур. В презумпцию конструкции *нельзя P сов.* нормативно входит указание на правомочность или целесообразность осуществления действия *P* (по крайней мере - отсутствие каких-либо правовых ограничений на его реализацию). А для неконтролируемых действий или стихийных процессов вопрос об их правомочности или целесообразности по понятным причинам вообще не возникает. Ср. в связи с этим рассмотренные выше примеры толкований, в которых раскрытие существа правомочности чего-либо (приезда, собственности) образует их ассертивную часть.

В презумпцию же конструкции *нельзя P несов.* входит указание о том, что потенциальный субъект (он же адресат запрета или побуждения) вполне способен осуществить *P* (или же перейти в неконтролируемое состояние *P*). А ассерцию данной конструкции составляет указание на неправомочность или недопустимость *P*, чем и обосновывается запрет или побуждение адресата к отказу от намерения осуществить *P*.

Рассмотрим далее некоторые ограничения на предикат *P*, которые должны выполняться для образования нормативных значений конструкций *нельзя P*. Это должно помочь объяснить причины разнообразных «сбоев» в действии этого лексико-грамматического правила.

И здесь действует восходящий еще к Вейнрейху универсальный тезис о том, что для возникновения нормального сочетания является достаточным даже не дублирование одинаковых семантических признаков в обоих его компонентах, а отсутствие в одном из компонентов признаков, противоречащих значению другого. Применительно к конструкции *нельзя P* это означает, что правила интерпретации данных структур нормально срабатывают тогда, когда смысловые признаки предиката *P* не противоречат значениям структур *нельзя P сов.* и *нельзя P несов.* Тем самым предикат *P*, значение которого остается неизменным, должен одновременно удовлетворять разным условиям, которые накладывают эти структуры.

В принципе предикат *P* может быть согласованным, нейтральным или же рассогласованным со значением конструкции.

Так, примеры типа (27) *Нельзя открутить кран / Нельзя откручивать кран* получают четкую интерпретацию в соответствии со значением, задаваемым данными структурами потому, что глагол *откручивать* является семантически нейтральным по отношению к этим значениям. С одной стороны, в его семантике нет ничего такого, что противоречило бы ассерции структуры *нельзя P_{сов.}*, т.е. указывало бы, что достижение предела P (=‘нечто откручено’) является возможным всегда, при любых условиях. С другой стороны, в этом значении нет также ничего, что противоречило бы презумпции структуры *нельзя P_{несов.}* и свидетельствовало о том, что P невозможно, т.е. что адресат побуждения не способен открутить (кран).

Аналогично ведет себя, например, и глагол *запрещать*, противопоставленные видовые формы которого остаются нейтральными относительно разных требований, выдвигаемых рассматриваемыми структурами. Поэтому фраза (28) *Это нельзя запретить* в полном соответствии с данным лексико-грамматическим правилом интерпретируется как ‘То, что это запретить возможно, неверно’, а (29) *Это нельзя запрещать* - как ‘До’лжно это не запрещать’ = ‘Это ни в коем случае не следует запрещать’.

Если же предикат P содержит смысловые компоненты, рассогласованные с общим значением конструкции, то фраза становится либо аномальной, либо получает интерпретацию, типичную для конструкции с противоположной видовой формой. Так, антоним *запрещать* (а именно - *разрешать*) в данных конструкциях ведет себя иначе. В отличие от *запрещать*, *разрешать* не является нейтральным относительно признака контролируемости и предполагает, что его субъект всегда волен предоставить или не предоставить своему контрагенту право на какое-либо Q. (Как мы видели, для его антонима это свойство не выполняется: семантика *запрещать* не предполагает, что его субъект всегда волен лишить контрагента уже имеющегося у него права на Q). Данное свойство *разрешать* входит в противоречие с ассертивной частью нормативного толкования структуры *нельзя P_{сов.}* Поэтому, например, (30) *Это нельзя разрешить* не может быть понято как ‘То, что это разрешить возможно, неверно’ и интерпретируется только по типу структуры *нельзя P_{несов.}*, презумпция которой (‘субъект способен осуществить P’) хорошо согласуется с отмеченным свойством *разрешить*. Таким образом, (30) трактуется по типу (31) *Это нельзя разрешать* = ‘До’лжно это не разрешать’. Заметим, что в этом случае, когда противопоставление между двумя типами рассматриваемых структур нейтрализуется, срабатывает *собственно* видовое противопоставление однократности / многократности. Поэтому (30), в отличие от (31), означает ‘До’лжно это не разрешить’. Следует также отметить, что даже фраза, поверхностно реализованная как *Это невозможно разрешить* на глубинном уровне все равно интерпретируется как (30), но не как ‘То, что это разрешить возможно, неверно’.

Точно так же ведет себя в данных конструкциях глагол *простить / прощать*, который тоже предусматривает свободу контроля его субъекта, т.е. что субъект всегда волен воспользоваться или не воспользоваться «своим правом на наказание контрагента или на моральную компенсацию за причиненный им ущерб...» - ср. толкование *простить*, данное в [9]. Таким образом, (32) *Это нельзя простить* = ‘До’лжно это не простить’.

Аналогичным образом противопоставление видовых форм P в конструкциях *нельзя P* не всегда маркирует тот или иной тип интерпретации, когда значение P содержит скрытое отрицание - ср. (33) *Нельзя этого допустить*, где *допустить* = ‘не предотвратить’. При этом *допустить* Q как и *допускать* Q, опирается на презумпцию о том, что его субъект всегда способен воспрепятствовать Q, о чем свидетельствует, например, несочетаемость данного глагола с Q, именующими стихии, неподвластные человеку: **допустить наводнение (землетрясение, похолодание...)*. Поэтому (33) не может быть понято как ‘Допустить это невозможно’, а интерпретируется по типу ‘Нельзя этого допускать’. И здесь также срабатывает *собственно* видовое противопоставление однократности / многократности, в связи с чем (34) *Нельзя этого допускать* может быть понято и как общая рекомендация ‘В случаях, когда возникает возможность Q, ее следует предотвращать’.

К противоположному эффекту приводит, например, употребление в конструкциях *нельзя*Р предиката *понимать*. Как известно, его значение не гарантирует полного контроля субъекта, т.е. того, что для постижения сущности какого-либо явления или речетекстового произведения прилагаемые интеллектуальные усилия субъекта всегда окажутся достаточными. (Ср. в связи с этим распространенную шутку: «Понять это не представляется возможным»). Данное свойство *понимать* хорошо согласуется со значением структуры *нельзя*Рсов. - ср. (35) *Это нельзя понять* = 'То, что понять это возможно, неверно'. Употребление же данного предиката в рамках структуры *нельзя*Рнесов. должно было бы указывать на недопустимость последствий адекватного понимания «этого» для субъекта. В то же время отмеченное свойство *понимать* рассогласуется со структурой *нельзя*Рнесов., предполагающей, что субъект заведомо способен осуществить Р и поэтому приводит к образованию аномального сочетания: **Это нельзя понимать*. Но, как было показано в [3], если в сферу действия *нельзя* попадает конкретное содержание пропозиционального актанта *понимать*, фиксирующее «ментальный результат» понимания, фраза становится вполне осмысленной - ср. (36) *Это нельзя понимать в том смысле, что Q (как Q)*. Действительно, поскольку *понимать* не может всегда гарантировать способность адекватного осмысления сущности своего объекта, оно тем самым вполне допускает возможность осмысления ошибочного. Конструкция *нельзя*Рнесов. как раз и указывает на недопустимость этого ошибочного осмысления.

Таким образом, конструкция *нельзя*Р в общем случае образует лексико-грамматический комплекс, который благодаря противопоставлению видовых форм предиката Р задает разные типы его семантической интерпретации. С одной стороны этот комплекс привязан к конкретной лексеме - адвербиальному предикативу *нельзя*, а с другой - зависит от грамматических (а именно - аспектуальных) характеристик подчиненного предиката Р. В то же время интерпретативное правило, задаваемое двумя видовыми вариантами данной конструкции, не является универсальным. Оно может нарушаться в случаях рассогласования семантических признаков Р с ограничениями, накладываемыми одной из структур с *нельзя*. В этих случаях тип интерпретации конструкции видоизменяется или подавляется под влиянием лексического значения предиката Р. Очевидно, это объясняется тем, что «лексика сильнее грамматики» (Ю.Д. Апресян).

Литература

Труб В.М. Лексика целесообразной деятельности (опыт описания) // Логический анализ языка. Ментальное действие. М., Наука, 1993.

Труб В.М. О разнообразных семантических функциях реплик с адвербиальным предикативом *нельзя* // Труды международного семинара «Диалог'96». Москва (Пушино) 1996.

3. Труб В.М. О двойственной семантической природе реплик с предикативом *нельзя* // Труды международного семинара «Диалог'98». Москва (Таруса) 1998.

Шатуновский И.Б. Семантика предложения и нерелевантные слова. Школа «ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ» Москва 1996.

Богуславский А. Об ограничениях на «удивительное» *может* в вопросительных предложениях // Московский Лингвистический Журнал том 2. Российский государственный гуманитарный университет Москва 1996.

Труб В.М. Об одном подходе к исчислению типов объектных означаемых. Препринты Института русского языка. Вып. 181, Москва 1991.

Wierzbicka A. Semantic primitives. Frankfurt/M.; Athenaum, 1972.

Апресян Ю.Д. О некоторых польских работах по лингвистической семантике // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 14, Москва 1971.

Апресян Ю.Д. и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. М., 1997.